

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Толстиков

ШАХМАТНЫЕ АЛЛЕГОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Chess and Allegory in the Middle Ages / Ed. by O. Ferm and V. Honemann. Stockholm, 2005

Здесь играют в шахматы! Весь этот мир – шахматы (если только, конечно, это можно назвать миром).

Л. Кэрролл

Метафора – в широком смысле этого слова – является одним из важнейших элементов «семиотического инструментария», используемого нами для описания и объяснения окружающей реальности. В том числе – реальности социальной, о которой, кажется, подчас просто невозможно рассуждать, не прибегая к разного рода образам – например, пространственным («поле», «сфера»), техническим («аппарат», «машина», «механизм») или игровым (игра и как зрелище, и как вид досуга, азартное увлечение: «театр», «сцена», «роль», «актеры», «игроки», «выигрыш», «правила игры»). Очевидно, многие термины социальных и гуманитарных наук изначально метафоричны. Значение метафоры – а также аллегории, которую обычно определяют как использование конкретного образа для обозначения абстрактных понятий и как развитую метафору – еще более возрастает, если автор текста (говорящий) ставит перед собой пропагандистские или дидактические цели, т.е. стремится определенным способом воздействовать на читателя (слушателя). В этом случае яркие образы, которые не только служат иллюстрацией, но и способствуют запоминанию прочитанного (услышанного), совершенно необходимы. Именно так обстоит дело со многими письменными источниками, по которым мы судим о взглядах людей Средневековья на окружающую их социальную действительность. Авторы средневековых трактатов были в первую очередь моралистами, свою задачу они видели в критике нравов, царивших в современном им обществе, и поэтому их тексты изобилуют метафорами и аллегориями, без изучения которых невозможно проникнуть в мир представлений человека той эпохи.

Особое место в «символическом арсенале» Средневековья занимают шахматы. Этой игре, известной в Западной Европе, по мень-

шей мере, с рубежа X–XI вв., уподобляли не только двухстороннее военное и политическое противостояние, но и жизнь отдельного человека, в конечном итоге обреченного на поражение в поединке со смертью, а также иерархически упорядоченное общество, члены которого, как шахматные фигуры, различаются по силе и статусу, но при этом зависят друг от друга и потому должны действовать согласованно для достижения всеобщего блага. Шахматная игра оказалась богатым источником ярких, запоминающихся образов и в этом качестве была очень быстро востребована в литературе и изобразительном искусстве Средних веков. Традиция использования шахматных метафор и аллегорий весьма обширна, поэтому неудивительно, что она все больше привлекает внимание медиевистов.

Свидетельством интереса исследователей к этой проблеме является сборник «Шахматы и аллегория в Средние века», опубликованный в 2005 г. в Стокгольме под редакцией Улле Ферма и Фолькера Хонеманна. В основе составивших сборник статей лежат доклады, которые были прочитаны в сентябре 2004 г. в Швеции на симпозиуме «Средневековая литература как зеркало общества: идеология, дидактика, *exemplum* и аллегория». Симпозиум был организован историческим факультетом Стокгольмского университета, факультетом современной филологии Упсальского университета, Стокгольмским музеем Средневековья и группой исследователей из Мюнстерского университета во главе с профессором Ф. Хонеманном (проект «Символическая коммуникация и общественные системы ценностей от Средневековья до Французской революции»).

Материалы сборника разбиты на два раздела: один посвящен анализу изобразительных источников, другой – письменных текстов. Первый раздел намного меньше по объему (всего три статьи) и, к сожалению, заметно уступает второму по тщательности и глубине проработки затрагиваемых авторами проблем. Он открывается статьей шведской исследовательницы Пии Мелин «Смерть, играющая с человеком в шахматы, и связанные с этим сюжетом изобразительные мотивы: живописные аллегории Альберта Пиктора в некоторых церквях Упланда» (р. 9–16). Речь идет прежде всего о настенной росписи приходской церкви в Тебю. Роспись, автором которой обычно считается самый известный из шведских художников Средневековья, выходец из германских земель Альберт Пиктор, была, вероятнее всего, выполнена в конце 1480-х годов. Это единственное подобного рода средневековое изображение в Швеции (р. 13). П. Мелин сопоставляет его с трактатами *ars moriendi*, а также с другими произведениями Альберта Пиктора (или художников его мастерской) в упландских церквях – росписями на известные нравоучительные сюжеты, такие как колесо фортуны или бедняк и богач. В целом, подход ис-

следовательницы можно охарактеризовать как весьма традиционный. В одном пункте ее рассуждения представляются недостаточно корректными: учитывая высокую конвенциональность средневековых изображений, истолкование жеста фигуры игрока в шахматы со Смертью (человек прижимает левую руку к груди) как знака отчаяния грешника перед лицом неизбежной и оказавшейся вдруг такой близкой кончины (р. 12) требует, по меньшей мере, дополнительной развернутой аргументации.

Следующая статья, при всей ее информативности, интересной постановке проблемы и убедительности выводов автора, выглядит на фоне прочих материалов сборника несколько инородным телом. Работа профессора Стокгольмского университета Маарет Коскинен посвящена шахматным аллегориям в кино и прежде всего в творчестве Ингмара Бергмана – главным образом, конечно, в «Седьмой печати» (р. 17–30). М. Коскинен, в частности, показывает, что на создание знаменитой сцены игры рыцаря Йонса в шахматы со Смертью великого режиссера вдохновила роспись церкви в Тебю (р. 26).

Завершает первый раздел статья профессора Стокгольмского университета У. Ферма и сотрудника Государственного исторического музея (Швеция) Ёрана Тегнёра «Шахматы в средневековой Скандинавии» (р. 31–35). По характеру это, скорее, информационное сообщение. Авторы отмечают, что в Северной Европе играть в шахматы умели уже в эпоху викингов. Это подтверждается как письменными источниками, так и рядом сохранившихся предметов материальной культуры (р. 31). О том, что скандинавы не потеряли интереса к шахматам и позднее, свидетельствуют найденные археологами шахматные фигуры XII–XV вв. Самая известная находка была сделана в 1831 г. на о. Льюис (Гебриды): как минимум 78 великолепных фигур из слоновой кости, датируемых XII столетием, – уникальный образец романской скульптурной миниатюры. По всей видимости, эти шахматы имели скандинавское происхождение, на что указывают позднейшие находки очень похожих фигур в Лунде (в Средние века – территория Дании) и в норвежском Тронхейме (р. 31–32). Что касается письменных свидетельств, то авторы в данном случае ограничиваются шведскими источниками: впервые в Швеции шахматы упоминаются в «Хронике Эрика», составленной, судя по всему, в 20-е годы XIV в.¹; в документах – инвентарных описях и завещаниях – эта игра начинает фигурировать с 40-х годов того же XIV столетия (р. 34–35).

Второй раздел выглядит во всех смыслах более внушительно. Вошедшие в него статьи – кроме самой последней – посвящены анализу либо знаменитого трактата Чессоли, либо его переводов-переложений на средневерхненемецкий, средненижненемецкий и швед-

ский языки. «Книга об обязанностях и нравах знати, или о шахматной игре», написанная монахом доминиканского монастыря в Генуе Якопо ди Чессоли между 1259 и 1337 гг. (р. 124–125), занимает особое положение в средневековой нравоучительной литературе. Общая характеристика этого трактата, на которой стоит остановиться подробнее, дается в статье Ф. Хонеманна (р. 37–56). По его словам, почти все сочинения западноевропейского Средневековья, в которых шахматы служат аллегорией общественного устройства, так или иначе восходят к тексту Чессоли (исключения немногочисленны). Авторы этих сочинений предпочитали следовать логике доминиканца, а не разрабатывать тему самостоятельно, хотя, конечно, текст оригинала при этом мог подвергаться весьма значительным трансформациям. Только с территории немецкого языкового ареала до нас дошло около 150 рукописей, содержащих оригинальную латинскую версию труда Чессоли либо его переложения на средненижненемецкий и средневерхненемецкий языки². Было и несколько печатных изданий на рубеже XV–XVI вв. Все это свидетельствует об огромной популярности трактата³ (р. 37–39). Однако, оговаривается Ф. Хонеманн, такая «успешность», возможно, объясняется не столько теоретической привлекательностью предложенного Чессоли подхода к описанию общества, сколько богатством *exempla* и полезностью текста как источника материалов для подготовки проповедей (кстати, и сам Чессоли указывает на этот прагматический аспект как на одну из главных причин, по которым он решил взяться за написание своего труда) (р. 39).

Охарактеризовав структуру трактата, в котором фигуры – от короля до последней пешки на левом фланге – представляют определенные социальные или профессиональные категории, а связываемые с этими категориями типичные добродетели и пороки иллюстрируются соответствующими «примерами»⁴, Ф. Хонеманн суммирует достоинства и недостатки труда Чессоли. К достоинствам он относит, во-первых, сравнительно последовательное уподобление порядка общественного устройства порядку расстановки шахматных фигур в начале партии (причем, что очень важно, эта статическая модель дополнена динамической – Чессоли дает аллегорическое толкование и правил перемещения фигур по доске); во-вторых, присутствие в тексте ряда критических замечаний, которые характеризуют положение дел в современном автору трактата обществе и конкретизируют абстрактную в своей основе модель⁵; в-третьих, яркое, наглядное описание внешнего вида фигур с их различными символическими атрибутами (здесь Чессоли следовал традиции, которая восходит еще к поздней Античности и представлена, например, в трудах Фабия Планциада Фульгенция); в-четвертых, довольно точные опре-

деления абстрактных понятий, прежде всего различных добродетелей (например, в разделе о ладье, символизирующей королевского викария, *pietas* – в данном случае это не просто христианское благочестие – определяется как благожелательность и готовность человека помочь всем тем, с кем ему приходится иметь дело) (р. 45–48).

Недостатками трактата Чессоли Ф. Хонеманн считает, во-первых, то что нередко отсутствует четкая логическая связь между социопрофессиональным статусом, символизируемым той или иной фигурой, и обязанностями, предписываемыми носителям этого статуса, либо типичными для последних добродетелями и пороками (например, непонятно, почему именно крестьяне должны обладать таким качеством, как презрение к смерти); во-вторых, отсутствует логическая связь между декларируемыми обязанностями или добродетелями и пороками представителей различных социопрофессиональных «примеров»-иллюстраций, с одной стороны, и содержанием соответствующих «примеров»-иллюстраций, с другой (героями «примеров» отнюдь не всегда являются представители именно той категории, о которой идет речь в соответствующем разделе трактата); в-третьих, недостаточно последовательно описан внешний вид фигур – аллегорическое значение некоторых упоминаемых атрибутов совершенно не поясняется и никак не комментируется (так обстоит дело, например, с раскрытой книгой в руках судьи, символизируемого фигурой слона, *alphilus*) (р. 48–51). Любопытно, что Чессоли ничего не говорит о клириках. По мнению Ф. Хонеманна, это обстоятельство не является недостатком и может объясняться тем, что доминиканец адресовал свой труд в первую очередь мирянам, а клириков рассматривал как особую категорию людей, главная задача которых состоит именно в наставлении мирян на путь истинный (р. 51).

В заключение Ф. Хонеманн сравнивает трактат Чессоли с некоторыми средневековыми немецкоязычными сочинениями на нравоучительные темы и отмечает, что ни одно из них не могло составить настоящей конкуренции «Книге об обязанностях и нравах знати, или о шахматной игре» с точки зрения систематичности использования аллегории, широты охвата различных социальных групп и, наконец, популярности. В дидактических поэмах «Итальянский гость» Томазина из Циркларии (1215) и «Скаун» Гуго фон Тримберга (ок. 1300) аллегории не являются структурообразующими элементами повествования и обозначают лишь отдельные социальные категории (например, светскую элиту). С другой стороны, в анонимной поэме «Сети дьявола» (1414–1420) и «Книге о шестернях» (*Räderbuch*) Хермена Боте (последнее десятилетие XV в.) аллегории используются гораздо более последовательно (особенно во втором случае) и охватывают общество в целом, однако эти сочинения были относительно ма-

ло распространены. Более корректно, полагает Ф. Хонеманн, сравнивать трактат Чессоли с аллегорической поэмой Гийома де Дигельвиля «Паломничество человеческой жизни» (*Pèlerinage de vie humaine*, 1330–1331), на которую автора вдохновил невероятно популярный в Средние века «Роман о розе». Но и в этом случае, по мнению Ф. Хонеманна, речь идет о менее сложной и менее развитой системе образов, чем у Чессоли.

Исследователь из Мюнстерского университета Оливер Плессов в статье «Культурная унификация и ценностный универсализм в средневековых шахматных трактатах» (р. 57–97) анализирует использование в тексте Чессоли и в стихотворном переложении этого труда на средневерхненемецкий язык (его сделал в 1337 г. швабский бенедиктинец Конрад фон Амменхаузен) маркеров локальной специфичности – топонимов, этнонимов или наименований групп населения по месту жительства (ломбардцы и т.п.), а также указаний на особенности, типичные либо для региона проживания автора, либо для соседних областей. Такого рода примеров в оригинальной латинской версии трактата Чессоли очень немного. Самый яркий из них связан с упоминанием Ломбардии и критическими замечаниями в адрес местных нотариусов. Вообще же Чессоли избегал подобных способов конкретизации и актуализации своих мыслей. В его тексте доминирует абстрактный универсальный принцип социопрофессионального членения общества, и, судя по всему, указания на локально-специфические черты не должны были отвлекать читателя от этой схемы. В результате трактат Чессоли оказался, с одной стороны, слабо связанным с современной его автору действительностью (что, впрочем, вполне обычно для текста, описывающего мир таким, каким он должен быть), а с другой стороны, понятным и доступным любому читателю на территории всей христианской Европы. В переложении Конрада фон Амменхаузена упоминаний о локальной специфике (в данном случае – швабской) гораздо больше, чем в оригинальной латинской версии Чессоли, однако и в этом тексте ориентация на универсальные ценности все же остается неизменной.

Статья Ёсты Хедегорда (Стокгольмский университет) посвящена выявлению источников, которые Чессоли использовал при работе над своим трактатом (р. 99–159). В историографии давно было отмечено, что очень многие приводимые доминиканцем «примеры» восходят к сочинению римского автора Валерия Максима (I в. н.э.) «О замечательных деяниях и изречениях» (р. 103). Ё. Хедегорд задается вопросом о том, знал ли Чессоли этот текст в подлиннике. Тщательнейшим образом проанализировав пятьдесят три соответствующих фрагмента, исследователь приходит к выводу, что не знал. Он доказывает, что почти во всех случаях Чессоли заимствовал «приме-

ры» либо из «Великого зеркала» Винцента из Бовэ (середина XIII в.), либо из «Краткой беседы о добродетелях древних правителей и философов, или о четырех главных добродетелях» (*Breviloquium de virtutibus antiquorum principum et philosophorum sive de quattuor virtutibus cardinalibus*) Иоанна Уэльского (середина XIII в.) (см. сводную таблицу – р. 155–156). Лишь шесть фрагментов могли быть непосредственно заимствованы у Валерия Максима, но само их количество говорит против такого предположения. Вероятно, рукописи Винцента из Бовэ и Иоанна Уэльского, использовавшиеся Чессоли, отличались от тех, которые сохранились до наших дней (р. 157).

Любопытны также замечания Ё. Хедегорда по поводу утверждения чешской исследовательницы Анежки Видмановой о том, что уже в указанном труде Иоанна Уэльского человеческое общество сравнивалось с шахматами⁶. Ё. Хедегорд пишет, что в венецианском издании «Краткой беседы о добродетелях» (1496) и в большинстве рукописей за пределами Чехии шахматная аллегория отсутствует. Вероятно, существовала особая местная традиция, в которой контаминировались оба сочинения, и, таким образом, в данном случае речь должна идти о влиянии трактата Чессоли на текст чешских рукописей труда Иоанна Уэльского, а не наоборот (р. 120–126). (Стоит подчеркнуть, что игра в шахматы как аллегория общества упоминается во всех рукописях и изданиях другого сочинения Иоанна – «Общий разговор, или собрание речей ко всему роду человеческому» (*Communiloquium sive Summa collationum ad omne genus hominum*) – р. 121, примеч. 30. Напомню, однако, что источником «примеров» для Чессоли была именно «Краткая беседа о добродетелях».)

В статье Жана-Мишеля Меля, профессора Страсбургского университета Марка Блока, речь идет о двух «благородных» фигурах в трактате Чессоли – слоне (*alphilus*) и ладье (*rocchus*), символизирующих соответственно судью и королевского викария (р. 161–172). По мнению Ж.-М. Меля, их аллегорическое истолкование в «Книге об обязанностях и нравах знати, или о шахматной игре» отражает увеличение в XIII столетии роли королевской власти и подчиненного монарху управленческого аппарата (р. 167, 169–170). Особенно большое значение Чессоли, по-видимому, придавал викарию, поскольку ему он посвятил целых тридцать пять «примеров», тогда как рыцарю (символизируемому фигурой, которую мы называем конем) – десять, а судье – одиннадцать (р. 169).

Однако, оговаривается автор статьи, не стоит видеть в Чессоли политического мыслителя-теоретика: доминиканец ставил перед собой прежде всего морально-дидактические задачи, а не стремился к детально точному, исчерпывающему описанию системы политического управления; к тому же его текст не лишен внутренней проти-

воречивости и отнюдь не всегда достаточно внятны и точны даже в том, что касается правил шахматной игры (р. 170). (Кстати, неизвестно, насколько хорошо сам Чессоли играл в шахматы, – р. 164–165.) С другой стороны, настаивает Ж.-М. Мель, нельзя также игнорировать структурообразующий характер шахматной аллегории и считать трактат Чессоли простым сборником *exempla* для нужд проповедников или рассматривать использование шахматных образов исключительно как мнемотехнический прием (р. 161–162).

Между тем именно мнемотехнический аспект текста Чессоли подчеркивает Памела Калнинг (Мюнстерский университет) – автор статьи «Рыцарь на шахматной доске», в которой проанализирован раздел, посвященный фигуре коня, в трактате доминиканца и в поэме Конрада фон Амменхаузена (р. 173–215). Сравнив перечень рыцарских добродетелей, приводимый Чессоли (мудрость – *sapientia*, верность – *fidelitas*, щедрость – *liberalitas*, сила и храбрость – *fortitudo*, милосердие – *miseriordia*, готовность быть защитником представителей низших сословий – *custodia populi*, ревностное следование законам – *legum zelus*), с «примерами», при помощи которых он их иллюстрирует, П. Калнинг, как и многие другие исследователи, заключает, что логическая связь между этими двумя уровнями текста весьма слаба. По ее мнению, объясняется данное обстоятельство тем, что главной задачей Чессоли было представить читателям – проповедникам – некоторое количество полезных *exempla*, а шахматная игра призвана была служить преимущественно для удобства запоминания «примеров» (р. 190–192).

Зато Конрад фон Амменхаузен, полагает П. Калнинг, постарался компенсировать указанный недостаток. Он – в целом достаточно бережно сохраняя структуру текста Чессоли – увеличил степень внутренней связности повествования, так что в его изложении те же самые «примеры» стали четче отражать соответствующие добродетели. У Конрада больше деталей, поскольку он, в отличие от Чессоли, не ожидал от своих читателей хорошего знакомства с сюжетами из истории Античности; добавлены новые «примеры». Если в тексте доминиканца рыцарские добродетели связываются в первую очередь с ведением войны, дележом добычи и т.п., то Конрад подчеркивает другой аспект: рыцарь обязан обеспечивать мир, воздерживаться от грабежей, защищать население. Возможно, в данном случае он реагировал на современную ему ситуацию. Например, говоря о кровожадности как пороке, свойственном некоторым представителям рыцарского сословия, Конрад упоминает о мародерствующих наемниках в Швейцарии (здесь мы имеем дело как раз с тем типом локально-специфических «примеров», которые рассматривает О. Плессов – см. выше) (р. 211–212).

Статья Марен Йонссон (Упсальский университет) «О добродетельных королевах и любопытных женах» (р. 217–279) является характерным образчиком применения гендерного подхода. Исследовательница анализирует особенности приписывания женской идентичности (*Weiblichkeit*) в ряде переводов-переложений трактата Чессоли: в шведской поэме «Игра в шахматы» (*Schacktavelslek*, 1460-е годы), а также в немецкоязычных сочинениях: так называемой Прозаической редакции (*Prosafassung*, XIV в.) и поэтических версиях, созданных Генрихом фон Берингеном (ок. 1290–1300), Конрадом фон Амменхаузеном, Хехтским Пастором (Pfarrer zu dem Hechte, 1355) и, наконец, Майстером Стефаном (ок. 1357–1375). «Женская тема» присутствует в этих текстах, во-первых, в разделе о ферзе – королеве. То, что говорится о королеве, относится и ко всем остальным женщинам – об этом авторы заявляют вполне ясно. Гендерная категория, таким образом, ставится в один ряд с категориями социoproфессиональными, соотносимыми с прочими шахматными фигурами (р. 224–227). Во-вторых, женские персонажи изредка появляются в *exempla*.

Общий вывод М. Йонссон о присущей всем указанным сочинениям мизогинической тенденции вполне предсказуем. Во всех текстах говорится, что женщина должна быть стыдливой и уметь хранить молчание до тех пор, пока ее о чем-нибудь не спросят. С другой стороны, очевидно, эти добродетели встречаются редко, поскольку в «примерах» женские персонажи, как правило, глупы, развратны, жадны. Правда, авторы не могли игнорировать близость королевы к вершине политической пирамиды. Поэтому они, хотя и подчеркивали, что достоинства, присущие королю от рождения, королева приобретает исключительно благодаря браку, все же признавали за ней достаточно высокое положение (особенно значимыми функциями королевы считались воспитание детей и помощь советами своему коронованному супругу) (р. 252–254). Сильнее всего мизогиния проявляется в шведской поэме и отчасти у Конрада фон Амменхаузена. В то же время традиция миннезанга с его культом Дамы повлияла на более сдержанную позицию по «женскому вопросу» Генриха фон Берингена, а Майстер Стефан, в сочинении которого очень силен духовный, христианский аспект, отказался от ряда пикантных «примеров» на тему сексуальной морали (р. 272).

Типичной чертой всех рассмотренных ею текстов М. Йонссон считает отсутствие какой бы то ни было дифференциации внутри общей гендерной категории – по семейному положению (девицы, замужние женщины, вдовы), по сословной принадлежности (благородные, неблагородные, монахини), по роду занятий. В этом отношении переложения трактата Чессоли на шведский и немецкий язы-

ки отличаются от других образцов средневековой нравоучительной литературы. М. Йонссон видит в таком отказе от детализации и конкретизации подтверждение тезиса О. Плессова о ценностном универсализме, характерном для шахматных трактатов (см. выше) (р. 272–273).

Статья профессора Стокгольмского университета Улле Ферма о шведской поэтической версии сочинения Чессоли (р. 281–328) является, на мой взгляд, одной из лучших во всем сборнике. В центре внимания исследователя находятся интерполяции, сделанные неизвестным автором «Игры в шахматы» в ходе «адаптации» переводившегося им текста. Вернее, текстов, потому что в основе шведского перевода кроме латинского оригинала Чессоли лежит также сочинение Майстера Стефана. Представлены они в этой версии соответственно на 60% и 65% (опущена часть разделов, посвященных пешкам; очень кратко рассматриваются лишь четыре пешки). Интерполяции переводчика в целом составляют 20–25% (в зависимости от используемых критериев) от общего объема (р. 282–283, примеч. 4). У. Ферма интересуют те из них, в которых содержатся прямые или косвенные отсылки к шведским политическим реалиям.

С 1397 г. Швеция, Дания и Норвегия были объединены под властью одного монарха в рамках так называемой Кальмарской унии. Возглавлявшие унию выборные короли были обычно выходцами либо из Дании, либо из германских земель. Их административная политика вызывала протест у части шведской политической элиты, считавшей себя обойденной должностями и привилегиями и выступавшей против «засилья иностранцев». Особенно бурными были события 1434–1436 гг. (восстание Энгельбректа⁷). В 1448 г. королем Швеции стал Карл Кнутссон (Бунде), швед по происхождению, однако и его правление сопровождалось постоянными политическими конфликтами. В 1457 г. он был изгнан из страны, но затем дважды возвращался на шведский престол в 1460-е годы.

Эта непростая политическая ситуация отразилась в тексте «Игры в шахматы». Автор поэмы много места отводит рассуждениям о пороках королей и вообще представителей правящей элиты. (Среди последних особо выделяются два влиятельнейших члена государственного совета – марск и дротс⁸, символизируемые в шведской версии ладьями. Третий важный государственный пост, пост канцлера, не упоминается, поскольку в данном случае, как и у Чессоли, клирики не включаются в описательную модель, а канцлером был епископ Стренгнеса, – р. 288). Главными пороками, присущими сильным мира сего, называются жадность и себялюбие, нежелание действовать ради всеобщего блага. Отсюда и внутренние раздоры, взаимная ненависть, предательства, убийства (р. 290–303).

Что касается позитивной политической программы, то автор «Игры в шахматы» выступает за наследственную монархию и настаивает на том, что король не должен быть иностранцем. Кроме того, монарх обязан обеспечивать соблюдение правосудия, опираясь на помощь судей, а новые законы нельзя вводить, не получив одобрения нации, поскольку, как гласит известная формула, «что касается всех, должно быть одобрено всеми». Однако главное – необходимо следовать нормам общественной морали, заботиться о всеобщем благе и воспитывать в соответствующем духе молодое поколение. Все-таки «Игра в шахматы» – это не политический трактат, а образец нравоучительной литературы (р. 310–322).

У. Ферм особо подчеркивает, что, хотя в поэме довольно много аллюзий на специфически шведские политические реалии, проповедуемые ее автором идеи имели вполне универсальный, общеевропейский характер. В своей основе они восходят к Аристотелю, а ко времени создания «Игры в шахматы» давно являлись неотъемлемым элементом европейской политической традиции (р. 324).

Статья докторантки Мюнстерского университета Марьи Кольде-Логес посвящена сравнительно малоизвестному прозаическому шахматному трактату «Золотая игра» (р. 329–358). Его автор – Майстер Ингольд, доминиканец родом из Базеля (ум. между 1440 и 1450 гг.). Он создал свой труд в 1432 г., когда был капелланом при дворе некоего знатного семейства, имя которого не называется (р. 332–333). Ингольд заявляет, что использовал при работе над текстом трактат Чессоли, однако, по мнению ряда специалистов, он был знаком лишь с сочинением Конрада фон Амменхаузена. Во всяком случае, влияние Конрада несомненно (р. 335–336).

Как бы то ни было, Ингольд значительно переработал исходный текст. По его словам, «Золотая игра» – это собранные вместе проповеди, с которыми он выступал, будучи придворным капелланом. Очевидно, стремление учесть специфику аудитории заставило его изменить предложенную Чессоли схему соответствия фигур социoproфессиональным категориям. У Ингольда шахматы являются аллегорией не человеческого общества вообще, а общества придворного. Поэтому, например, пешки символизируют королевских слуг: привратника, лекаря (и одновременно охотника, булочника, повара, рыбака, аптекаря), канцлера (и писаря), исповедника, капеллана (и сборщика милостыни)⁹, знаменосца, виночерпия (и вообще всех, кто отвечает за напитки), конюха (а также возницу и гонца). Есть изменения и среди «благородных» фигур: слон символизирует королевского советника, а судью (и в то же время фогта) – ладья. Вместе с тем Ингольд вводит и иной принцип, духовный, так что восемь пешек параллельно приобретают иные символические соответствия:

богобоязненность, милосердие, свобода от греха, сила, ниспосланный Богом совет, понимание Священного Писания, дар божественной мудрости, молитва (р. 334–335).

Подробно М. Кольде-Логес останавливается на фигуре ладьи, символизирующей, как уже было сказано, королевского судью. Исследовательница показывает, что по сравнению с Чессоли и Конрадом фон Амменхаузенем Ингольд в данном случае гораздо менее обстоятелен. В этом разделе своего трактата он предается общим рассуждениям о сущности правосудия. С другой стороны, Ингольд старается не заимствовать «примеры» у своих предшественников и приводит другие (возможно, здесь сказалось его авторское самосознание). Некоторые из «примеров» – те, что иллюстрируют типичные для судей пороки, которым Ингольд уделяет много внимания, – содержат весьма любопытные образы. Например, неправедный судья, выносящий решения в пользу богатых, сравнивается с магнитом. Совершенно необычно уподобление судей и фогтов ногам, поддерживающим тело королевства, – здесь Ингольд использует широко распространенную в Средние века и в Новое время телесную метафору государства¹⁰ (р. 339–354).

Заключительная статья сборника посвящена нравоучительному трактату, структурообразующей аллегорией которого является не шахматная, а карточная игра. Профессор Лундского университета Арне Йонссон дает общую характеристику созданного в 1377 г. немецким доминиканцем Иоанном из Рейнфельдена труда, который известен под названием «Морализованная игра в карты» (*Ludus cartularum moralisatus*) (р. 359–372). Этот текст, к сожалению, до сих пор почти не привлекал внимание исследователей и даже никогда не издавался. Между тем он представляет несомненный интерес с точки зрения истории средневековой литературы как зеркала общества.

Карты, судя по всему, были еще относительно новой игрой во времена Иоанна из Рейнфельдена – первое упоминание о них в Европе датируется 1367 г. (правда, что характерно, речь в данном случае идет о запрете, – р. 371). По словам самого Иоанна, познакомившись с этой игрой, он решил, что она является удивительно точным отражением мира (и, конечно, общественного устройства). Трактат делится на три части: в первой обосновывается практическая полезность карточной игры (например, с точки зрения изучения принципов ведения войны – игра в карты уподобляется здесь многостороннему военному конфликту¹¹); вторая посвящена описанию старших карт, которые символизируют королевский двор (король, королева, два гофмаршала, одна фрейлина); в третьей рассказывается о десяти младших картах, символизирующих социопрофессиональные группы, которые необходимы для обеспечения нужд короля (слуги, ре-

месленники, купцы, лекари и т.д.). Каждой из 15 карт посвящен отдельный параграф. Эти параграфы, в свою очередь, разбиваются на более мелкие фрагменты, содержащие каталог соответствующих качеств и «примеры»-иллюстрации (р. 364–369).

Иоанн подробно описывает 60-карточную колоду (4 масти по 15 карт). Он отмечает, что карт может быть и 52, и 72; некоторые из них могут совсем отсутствовать, как, например, королева и фрейлина. Однако, с его точки зрения, идеальна именно 60-карточная колода, со всеми перечисленными картами. Ведь в противном случае нарушается соответствие игры реальному миру – какой же королевский двор без королевы? Мастей тоже может быть не четыре, а и пять, и шесть. И это число, разумеется, не случайно. Например, четыре масти означают четыре царства: Вавилонское, Персидское, Македонское (или Греческое) и Римскую империю (р. 369–370). Очевидно, что сочинение Иоанна из Рейнфельдена содержит очень любопытный материал для сравнения с шахматными трактатами.

Таким образом, рецензируемый сборник дает в целом достаточно разностороннее представление об особенностях использования средневековыми авторами шахмат в качестве аллегории общественного устройства. Включенные в него статьи написаны интересно и профессионально. Однако в заключение хочется все же высказать два маленьких замечания. То, что значительная часть статей посвящена шведским или немецким сюжетам, вполне объяснимо и естественно, но, думается, этот крен стоило бы как-то отразить в подзаголовке. Или же чуть подробнее рассказать о переложениях трактата Чессоли на другие народные языки – например, во введении (которое, к сожалению, отсутствует – редакторы ограничились очень кратким предисловием). Наконец, уместным, по-моему, был бы очерк, пусть совсем краткий, истории шахмат в Европе – иногда при чтении чувствуется нехватка таких сведений общего порядка.

¹ См.: Хроника Эрика / Пер. со ст.-швед. А.Ю. Желтухина. М., 1999. С. 31.

² Вообще же трактат Чессоли был переведен также на средненидерландский, шведский, английский, французский, кастильский, каталанский и итальянский (*volgare*) языки (см. Р. 87).

³ У. Ферм назвал сочинение Чессоли «средневековым бестселлером» (р. 281).

⁴ Подробнее см. в статье С.И. Лучицкой в настоящем выпуске «Одиссей».

⁵ Как показывает О. Плессов, подобного рода замечания, отсылающие читателя к современным Чессоли общественным реалиям, в тексте трактата довольно редки – см. ниже.

⁶ См.: *Vidmanová A. Die mittelalterliche Gesellschaft im Lichte des Schachspiels // Soziale Ordnungen im Selbstverständnis des Mittelalters / Hrg. von A. Zimmermann. B.; N.Y., 1979. S. 325–327; Eadem. Jacobus de Cessolis in sozialgeschichtlicher Hinsicht // Das Schachbuch des Jacobus de Cessolis. Kommentarband zur*

Faksimilieausgabe des Cod. Palatinus Latinus 961 / Hrsg. von L.E. Boyle. Zürich, 1988. S. 106–111.

- ⁷ См. подробнее: *Щеглов А.Д.* «Хроника Энгельбректа» как исторический источник и памятник литературы // *Хроника Энгельбректа* / Пер. со ср.-шведского, послесл. и коммент. А.Д. Щеглова; Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2003. С. 87–117.
- ⁸ Первый из них занимался в первую очередь военными вопросами, второй – юридическими, хотя, разумеется, четкого разграничения функций между этими высшими должностными лицами не было.
- ⁹ Обращает на себя внимание, во-первых, включение в схему клириков, во-вторых, своеобразное дублирование этой категории.
- ¹⁰ См. статью Л.А. Пименовой в настоящем выпуске «Одиссея».
- ¹¹ Любопытно, что Иоанн, развивая метафору «игра в карты – это война», говорит о необходимости объединения усилий представителей всех общественных групп, символизируемых различными картами: короля, его советников, солдат (р. 368). Между тем М. Кольде-Логес отмечает, что в шахматных трактатах позднего Средневековья, раскрывающих символическое значение отдельных фигур – в обычное, мирное время! – метафора «шахматы – это война», как правило, не встречается. И наоборот: широко распространенное в средневековой литературе уподобление игры в шахматы сражению двух противников (например, человека со Смертью) обычно не сопровождается пояснениями того, какую роль в этом сражении играют отдельные фигуры (р. 330).

Л.А. Пименова

БУМАЖНЫЕ КОРОЛИ И РАЗБИТАЯ КОРОЛЕВА

Duprat A. Les rois de papier. La caricature de Henri III à Louis XVI. P., 2002;

Duprat A. Marie-Antoinette. Une reine brisée. P., 2006

Власть стремится запечатлеть в сознании подданных свой величественный образ, но и ее оппоненты творят иные, альтернативные и конкурирующие образы. Они запечатлеваются и тиражируются в форме анекдотов, слухов, сатирических стихов, памфлетов и карикатур. В них реальные черты и поступки исторического персонажа тесно переплетаются с явным вымыслом и заведомой клеветой. Подчас такие сатирические образы весьма успешно конкурируют с официальными. Какие же образы властителей прошлого в результате остаются в нашей памяти и как они складываются?